

К. ТАНЕВ*

**ХРОНИКА VIII МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА
«РИМСКОЕ ПРАВО И СОВРЕМЕННОСТЬ» НА ТЕМУ
«ИСТОЧНИКИ ПРАВА: ОТ РАСПОРЯЖЕНИЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ
К ПРАВОВОЙ НОРМЕ. ОТ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ К РЕШЕНИЯМ
ЮРИСТОВ». 6-12 ОКТЯБРЯ 2012 Г., СОФИЯ – ХАСКОВО,
БОЛГАРИЯ**

VIII международный семинар «Римское право и современность» на тему «Источники права: от распоряжений юриспруденции к правовой норме. От судебного решения к решениям юристов» был организован юридическим факультетом Софийского университета национальной и мировой экономики, междууниверситетским центром изучения римского права и римских правовых традиций г. Софии и Московским центром изучения римского права.

Семинар организован при поддержке декана юридического факультета Софийского университета национальной и мировой экономики (УНМЭ) проф. Х. Балабановой, доктора и губернатора региона Хасково госпожи Ирены Усуновой и при помощи Регионального центра заочного образования УНМЭ г. Хасково, Окружной администрации г. Хасково, адвоката Михаила Бояджиева Софийской коллегии.

С приветственным словом от имени декана юридического факультета Софийского университета национальной и мировой экономики выступили проф. Борис Ландзев и проф. Таня Йосифова.

В дни семинара, наполненные научными дискуссиями и обсуждениями на тему, которая вводит нас в глубину юридической мысли, чтобы проследить ее развитие от зарождения теоретических и научных взглядов и их нормативного воплощения в судебной практике, вновь стимулирующей формирование юридических концепций, мы подтвердили всеобщую значимость правового феномена относящихся к античным структурам времен для актуальных проблем нашей современной эпохи, как плода, происходящего от общего корня.

В начале с докладом «Роль политической свободы в определении нормативных систем римского частного права» выступил проф. Алессандро Корбино (университет Катании). Он отметил, что право (*ius*) было связано с идеей свободы, понимаемой как политический акт, преобразованный в правило, утвержденное через *mores* и *leges* и через рациональную деятельность *interpretatio*, понимаемое как *ars*: субъективное восприятие, вызвавшее магистратское или судебное решение, всегда было контролируемо на соответствие его праву (социальное согласие, связанное с ограничениями *res publica*). Докладчик начал с множественности источников права (*Gai.* 1. 2), анализируя структуру *regola* как механизма права, сравнимого по своей публичной значимости с интерпретацией. Корни этого можно найти еще в решениях жрецов, а суть заключается в стремлении найти определенное решение. *Ius* должно быть *certum*, но это не исключает расхождений в результате субъективного восприятия, то есть, искусства – *ars*. Однако власть принятия решения всегда была под публичным контролем, осуществлявшимся или магистратом в отношении *iudex*, или же другим магистратом посредством *intercessio* (в отношении деятельности самого магистрата). Так что даже естественное право представляется всегда генетически ограничивающим (*ratio naturalis*) для животных соответствующего происхождения (или публичным интересом согласно гражданскому праву) индивидуальную свободу, которую можно оценивать в соответствии с критерием социальной пользы, *bonum*. Юстинианом право было конкретизировано и закреплено как факт вне индивидуума, как результат деятельности публичной власти. Проф. А.Корбино пришел к своим выводам, опираясь на следующие источники: *Gai.* 1. 2; 3. 140; 3. 145; 3. 184; 3. 218; *Val. Max.* 8.2.2; *Liv.* 31.9.5-10.

Тема источников права нашла свое продолжение в выступлении «*Ius naturale* и позитивное право» проф. Микеля Скрейпека (университет Праги). Докладчик противопоставляет две разновидности права создания норм, дабы понять естественное право, так как последнее не может быть определено без знания позитивного права. *Ius naturale* предшествовало позитивизму в форме *fas* (*Ulp. D.* 1.1.1.3; *Inst.* 1.2.). Слово *naturalis* означает то, что происходит помимо воли человека: естественное русло реки, естественная запруда или, по Гаю (*G.* 1.1), естественный разум. В разделении Гаю *ius* на *civilis* и *gentium* последнее зависело от

* Константин Танев – доктор права, доцент юридического факультета Университета национальной и мировой экономики г. Софии, Болгария, директор Центра изучения римского права Болгарии. Автор выражает искреннюю признательность и благодарность профессору Освальдо Сакки (Второй Неаполитанский Университет) за глубокое редактирование итальянского перевода настоящей статьи. Перевод с итальянского на русский сделан проф. Л.Л.Кофановым.

naturalis ratio (общая и генеральная договоренность относительно *iustum*). В право народов необходимо вписать и само римское право (*ius civile*), права иностранцев, такие как *lex Rhodia de iactu*, а также *tutela minoris* и военную *occupatio* (Gai. 1.189; Gai. 2.69). Если рациональное входит в понятие *iustum*, тогда за иррациональное следует принять неразумное как несправедливое, что в объективном смысле связано также с известной римской *fides*. По тем же взглядам гражданское право понимается не как архаический страт, но как нормы, обязательные для римских граждан. Наряду с этим абстрактным значением естественное право имеет и более конкретное значение, связанное с современной практикой, отмечающее то, что случается помимо воли лица (*Paul. D. 1.1.11*). Более поздняя характеристика этого понятия (*Iust. 1.2pr.*) понимает естественное право как наставление природы для всех животных. Вместе с Цицероном (*Cic. De leg. 2.4*) Скрейпек настаивает, что естественное право сравнивается с *ius divinum*, не от христианского бога, но от *fas*, нацеленного на очерчивание того, что не соответствует божественным нормам. Автономное содержание рассмотренного понятия сформировалось только в постклассическую эпоху под влиянием христианства и через общее право было воспринято современными кодификациями.

Выступление Леонида Кофанова (проф., председатель Центра изучения римского права) на тему «Квинтилиан, *Inst. V. 2. 1-5*: к проблеме влияния досудебного мнения (*praeiudicium*) на судебное решение (*iudicium*)» касается обсуждения другого аспекта общей темы семинара: судебной процедуры и значения в ней ранее принятого судебной властью решения. Доклад начинается с обсуждения проблемы современного понимания слова *praeiudicium*, как решения по тяжбе с предварительным значением, в отношении уже начавшегося процесса (учитывая, что современная судебная процедура должна завершаться после преюдициальной), согласно древним источникам не может пониматься в этом значении. Докладчик заключает, что согласно определениям источников термин *praeiudicium* прежде всего обозначает досудебную фазу процесса (Oxf., 1968, p.1433). Другие данные демонстрируют основное значение термина – судебный прецедент, предшествующее судебное решение (см.: <http://www.dizionario-latino.com>, открытое 30.06. 2013). Л.Кофанов привел также литературные источники, содержащие значение «досудебное мнение» (*Schol. Cic. Gron. V.P. 326.24*: p. est ante iudicium incurrens opinio). Кроме того, в докладе утверждается, что римское значение этого термина проявляется в трех вариациях: первое значение – это всякое досудебное решение, используемое в качестве примера, не связанное с последующим конкретным делом (значение «судебный прецедент», в связи с которым докладчик демонстрирует свое несогласие с Тузовым, *Журнал российского права*, 6 (126), М., 2007, С. 127); второе значение – это предварительные решения, предшествующие другой судебной процедуре (*actio praeiudicialis*); третье значение – это всякое досудебное мнение, сделанное даже вне какой-либо судебной процедуры (см.: *Quint. Inst. V.2. 1-5*; *Iul. Victor. Ars Rhet. 6.8* есс). К этому списку добавляется *sponsio praeiudicialis* (Gai. 4. 93-94; D. 45.1.5pr.) и *lex Cicereia de sponsu* 173 г. до н.э., которые регулировали фазу *in iure*, происходившую до начала *iudicium*, то есть, согласно докладчику, эта фаза и была *praeiudicium*.

Интересный подход в интерпретации баланса прав сторон договора купли-продажи продемонстрирован Дмитрием В. Дождевым (проф., Российская академия наук, Москва) в своем докладе «Добросовестность и железное правило римского права в *Labeo D. 19.1.50*», названным по-английски, но представленном на итальянском языке. Докладчик обсуждает теорию Лабеола, представленную Яволеном (*D. 19.1.50 Lab. 4 post. a Iav. epit.*). Согласно докладчику, этот текст, откорректированный Т. Моммзеном *Editio maior*, можно понять и без моммзенских изменений. В центре анализа текста стоит привилегия, происходящая из всякого закона, предоставляющего покупателю возможность не платить цену, которая могла бы быть действительной или в случае до переноса на него владения, или после, когда по причине самого благодеяния истцу (продавцу) отказывается в защите, если он захочет вернуть вещь. Моммзен полагал, что в данном случае имеет место *exemptio rei venditae ac traditae*. Мы же можем воспользоваться подсказкой Ленеля в *Palinogenesis* о том, что *lex* в первой части фрагмента следует понимать в значении *lex contractus* (Lenel, Pal. I, col. 309, fr. 202, n. 1.) Д.Дождев представил возможную вариацию созданной в историографии концепции синаллагматичности, разделенную на две *species*: синаллагматичность функциональная, понимаемая как объективно двустороннее отношение (созданная самим Лабеоном), и синаллагматичность условная, зависящая от соглашения. Таким образом, идея докладчика близка к синаллагматичности, как субъективному институту, строго зависящему от договорной свободы в контрактах доброй совести (допускающей законность всякого соглашения), а не к общей двусторонности договора продажи, которая вынуждала бы стороны на объективно двусторонние отношения. Таким образом, добросовестность становится “iron rule for the Roman law” и достигает доминирующего положения в теории двусторонности.

Положение судьи стало главным в докладе Лихонга Дзанга (проф. Восточного Китайского университета политических наук и права, Шанхай) «Роль судьи в частном процессе: древний Рим и современный Китай». Аргументация построена на диахронном сравнении римского права и современного китайского права, приводящем к заключению о методологическом запале. В анализе римского этапа докладчик возвращается к своей работе о безымянных контрактах, исследуя роль магистрата, которая заключалась не только в том, чтобы содействовать, дробить и исправлять право, но также и создавать право в форме *ius honorarium*. Центральное положение занимал институт *praescriptio*: *praescribatque recta et utilia et coniuncta cum legibus* (Cic. De leg., 3.2.). Тот же Цицерон так описывал роль магистрата: «Действительно, можно сказать, что магистрат – это говорящий закон, закон же – это немой магистрат»

(magistratus vereque dici potest magistratum esse legem loquentem legem autem mutum magistratum). В заключении Дзанг отмечает, что роль магистрата сводилась к интерпретации правил, уже зафиксированных римским правопорядком, использующей уже существующие процессуальные средства (*ius civile*) или создающей новое право (*ius honorarium*). Что касается способности творить право, то институт древнеримского магистрата функционально близок к современному институту “judge made law”. Возвращаясь к праву, как соглашению народа, докладчик утверждает, что эта особенность возникала скорее как некий обычай, нежели как законодательная воля (*Gai. 1. 2-7.*). Роль совершающего суд лица заключалась в том, чтобы найти путь к справедливой интерпретации в соответствии с *ars boni et aequi*. Вторая часть доклада была посвящена действующему китайскому праву и описывала такие важные его принципы, как: не делать другим то, что не хотел бы, чтобы было сделано в отношении тебя; *Ren* – добрая воля; *Yi* – правомерное; *Li* – обычаи; *Zhi* – мудрость, *Xin* – честность, порядочность. Далее в своем докладе Дзанг, опираясь на различные казусы современной практики, заключает, что также и китайский судья имеет власть создавать юридические концепции, применяя и интерпретируя право на основе общих принципов.

Другая проблема, тесно связанная с магистратской властью и ответственностью, касается положения суда и рассматривается в выступлении Александра Л. Смышляева (проф., Российская академия наук, Москва) под названием «Трибунал и характерные особенности государственной власти в древнем Риме», представленном на русском языке с английским резюме. Доклад рассматривает географическое положение, инсигнии, структуру и устройство судебного трибунала. Рассматривая такие источники, как Псевдо-Асконий, Валерий Максим, Тит Ливий и т.п., А.Смышляев изучает психологическое состояние магистрата, скорее с интеллектуальной и моральной, нежели физически значимой и помпезной точки зрения. В докладе сравнивается греческая организация судопроизводства с римской, причем последнее всегда совершалось на приподнятой платформе, и было выше положения публики, всегда присутствовавшей и наблюдавшей за процессом, что символизировало ответственность судей перед народом. Итак, сам народ участвовал в судебном процессе и контролировал его, тем самым создавая и поддерживая власть. Греческий же судебный трибунал, наоборот, не был приподнят, но находился на одном уровне с положением зрителя.

Доклад Давида Фалады, доцента университета г. Праги, на тему «Некоторые соображения по поводу XII таблиц» вновь поднимает дискуссию по проблеме концепции юристов, связанной с попыткой реконструировать историю древнейшей правовой мысли. Докладчик исходит из идеи, согласно которой в основе юридической мысли лежат обычаи – *more maiorum*. В центре внимания Д.Фалады стоит проблема создания древнейшего источника права – Законов XII таблиц, корни которого находятся в царском законодательстве и понтификальных толкованиях. Он упоминает об отрывках Ливия о создании этого децемвирального акта как компромисса, достигнутого в борьбе патрициев и плебеев. Докладчик комментирует статью Вестбука (*Westbrook, ZSS 1988, The Nature and the Origin of Twelve Tables*) и его критику истории Ливия, особенно запрещение браков между патрициями и плебеями (Т. XI.1). Д.Фалада обсуждает известнейшую децемвиральную норму IV.2b (т.н. манумиссия сына), которую он считает аутентичным текстом законов, а не его более поздний пересказ. Он полагает, что эта норма ограничивала отцовскую власть в отношении подвластного сына, который становился свободным после его третьей продажи. Это ограничение строится на сравнении с другим источником – *Pap. Coll. 4.8*, в котором описывается *ius vitae necisque* отца в отношении своего сына. В заключении Д.Фалада подчеркивает, что этот децемвиральный текст, быть может, является результатом понтификальной интерпретации, которая ограничила древнее правило обычного права, слишком превознесшее право отца над жизнью и смертью своего сына.

Выступление проф. университета Софии Марии Костовой на тему «Концепция доброго и равного – лингвистические и правовые аспекты» вернула нас к тематике правовой мысли, как некоего акта познания и оценки поведения человека, использующего правовые средства (*bonum et aequum*) в качестве критерия для конкретного решения. Докладчица следует значению слова *bonum* some некоего добра, имущества, но также содержащего понятия справедливого, достойного и доблестного (*Cic. Paradoxa Stoic. 1.1.9*). Для Сенеки это понятие включало также и мудрость, способность понимать глубины реальности (*Sen. Epist. Mor. ad Luc. XX. 124.*). В понимании Квинтилиана это слово несет в себе значение доброго суда, доброго совета (*Quint. Inst. orat. I. 6. 32*). Понятие *aequum* (справедливое) содержит в себе идею равного, беспристрастного критерия (*τὸ μέσον, Aristot. Polit. III, 1287b.*). Выражение *aequi bonique* (справедливое и доброе) означает правильную и беспристрастную оценку (*Liv. 34. 22. 13; Terent. Phorm. IV, 636-639*). Это же понятие можно найти и в юридической литературе (D. 1.1.11, *Paul. 14 ad Sab.*; D. 4.5.8, *Gai. 4 ad ed. provinc.*; D. 12.1.32, *Cels. 5 Dig.*). После панорамного обзора указанных мест М.Костова заключает: «Право – это искусство или умение дать суждение с добрым значением и беспристрастная юстиция».

В обсуждениях семинара «Римское право и современность» всегда важным элементом было движение концепции и норм от римского права к другим последующим правовым семьям того же корня. Значимый пример этого представляет собой Кастильское королевство, развивавшее свою автономную законодательную и правовую систему на основе римского права, рецепированного напрямую или через посредством канонического и общего права, имевших большое влияние в западной Европе и Латинской Америке. По этой теме выступил Александр В. Марей (проф., Высшая школа экономики, Москва) с докладом «"Que los abogados non aleguen doctores..." - к вопросу о прямом применении римского права в Кастильском королевстве XIII - XVI вв.». В начале доклада он делает ссылку на представителей школы

комментаторов, таких как Бартоло и Джованни Д'Андреа. Для Альфонса X Мудрого (1252 – 1284), хотя он и не был профессором, следовало искать понимания права через логику, риторику, грамматику, законы и декреты (два последних элемента, согласно докладчику, это римское и каноническое право). По указу Алкалы 1348 г. вопреки предшествующей кодификации короля Альфонса, *Las sietas Partidas*, правовая доктрина должна была учитывать также и труды древних мудрецов, то есть, римскую правовую школу за ее мудрость (*Ord. Alcal.* 28.1.). Ордонанс 1389 г. Хуана I Бривиека (*Ord. Briuiesca*.10) также приказывал напрямую применять римское право. Подобное отношение можно найти и со стороны Хуана II (1427 г.), а позднее и в *Autos acordados* (1713 г.). А.Марей приходит к выводу о том, что усвоение римского права начиная с Альфонса X утверждается всей последующей правовой традицией. Первоначально его применение формулировалось как не прямое, но после XIV в. прямое применение римского права было признано королевской властью.

От теоретических проблем тема семинара возвращается к проблеме положения судьи в Толедском королевстве, поднятой в докладе «*Ut nulla causa a iudicibus audiat que in legibus non continetur*: судья и закон в Толедском королевстве VII в.» Елены С. Марей (доцент, Высшая школа экономики, Москва). Согласно этимологии Исидора термин *iudex* происходит от *ius dicere*, то есть правомерно обсуждать и говорить народу. Назначение судьи зависело от выбора сторон, от короля или от другого судьи. Докладчица полагает, что также епископ обладал функциями судьи в гражданском процессе. Политика короля была направлена на концентрацию власти толковать право в своих руках. Если судья не находил в праве прямого решения, то он должен был обратиться к его величеству, чтобы найти у него решение. Таким образом, они были лишены возможности толкования права, так как монарх стал единственным источником права.

Развитие юридических концепций обычно сопровождается применением технических терминов, что проявлялось в новой семантике слов, во введении новых, особенно иностранных (нередко греческих) слов. Выступление Франческо Музумечи, проф. университета Катании, вводит нас в область очень архаического языка закона Аквилы. Тема его доклада «*Ruperit in lex Aquilia* согласно *interpretatio* юристов» обращает наше внимание на иски о причинении ущерба, обычно обозначавшиеся словами *urere, frangere* и *rumpere*. Древнейшее слово *rumpere*, воспринимавшееся в позднюю Республику, как отмечает докладчик, как *corrumpere* (причинение вреда в более широком значении, не только невозможного, но и поправимого). Ф.Музумечи обсуждает также выражение *quasi rumpere* (D. 9.2.27.24; 9.2.27.18; 47.7.7.2; 9.2.27.22), чтобы продемонстрировать случаи, когда недоставало специальных средств и поэтому можно было вернуться к общему режиму закона Аквилы несмотря на расширительное толкование слова *rumpere* в классической концепции. Объяснение этого изменения зависит от наречия *quasi* и ставит перед нами задачу по соответствующей логической операции: здесь имеет место аналогия или фикция? Докладчик ссылается на идею Норра по поводу этого самого слова, на немецком означавшего *als* или *ob als*, соответствующие итальянскому “*come se*”. Он далее подчеркивает, что во фрагменте D. 9.2.27.13 выражение “*quasi ruperit*” не связано с фразой “*navem ... perforasset*”, объясняя это предположением о вмешательстве Ульпиана, который использовал это выражение, чтобы расширить употребление аквилиановых средств. Анализируя фрагмент D. 9.2.27.22, докладчик демонстрирует мнение Брутто, который придерживается древней интерпретации глагола *rumpere*, исключаящей ущерб *eiicio*; поэтому-то римский юрисконсульт и предлагает теорию *quasi rupto*, чтобы дать этот иск по закону Аквилы.

Обновление права проявляется не только в терминологии, но и в методологии, используемой для решения как теоретических, так и практических проблем. Его устройство, зависящее от структурных критериев, с самого начала характеризует его научный уровень. Это прежде всего дает возможность взглянуть на право под определенным углом зрения, дающим не только определенную точку зрения, но и объяснение внутренней логики теоретической конструкции, решающее вопрос не о том, что это есть такое, но о том, почему это есть. Константин Танев, проф. юридического факультета университета национальной и мировой экономики (София, Болгария) обсудил эту проблему в своем докладе «Структура источников обязательств». Точкой отправления послужила структура гражданского права, в котором было только собрание различных источников без какой-либо синтетической их конструкции, а следовательно, без какого-либо научного объяснения отношений взаимозависимости между различными его ингредиентами (*Pomp.* 4 ad Q. Muc. D.46,3,80 pr.: *contraximus, vel re vel verbis, ... quoniam consensu nudo contrahi potest*). Быть может, с постепенным изменением теории Муция слово *litteris* выпало из этого списка (*Cic. Pro Q. Rosc. Com.* 14, 16). В отрывке из Институций Гая (3. 89) видна дидактика по поводу этой самой темы, где профессор в преподавании своим ученикам структурировал обязательства, основанные на согласии в базовую систему с четырьмя подсистемами, зависящими от их конструкции (*quae ex contractu nascuntur ... quattuor genera sunt: aut enim re contrahitur obligatio aut verbis aut litteris aut consensu*). Может быть, первая попытка систематизации в этой области, зафиксированная Дигестами, принадлежала лабеоновой *ultra citroque* (D.50,16,19pr. *Ulp.* 11 ad Ed.). Научная методология Платона и Аристотеля (*Aristot.* EN 1131a1) вошла в правовую школу только на заре классической юриспруденции. Докладчик отмечает, что эта систематизация имела прежде всего дидактическое значение. Преподавание Гая развивалось, избегая недостатков всякой формальной системы согласно своему платоновскому прототипу, требующего, что всякий род должен делиться на два вида. Быть может, Гай, используя в качестве остова аристотелевскую диалектику, имел в виду систематизацию три в одном, добавив к первым двум видам также и фигуры, происходящие из различных оснований. Юстиниан же вернулся к платоновской системе, разделив третью группу Гая в

соответствии с первоначальным разделением на два, когда ввел теорию квази контрактов и квази деликтов (Inst. 3, 13, 2). Во всяком случае, гражданское право всегда сохраняло свой подход сбора различных форм добровольных обязательств (D.44.7.52pr. Mod. 2 reg.).

Ян Шейдл, научный сотрудник университета Праги, представил доклад на тему «Понятие servitus в римском праве», в котором описал развитие сервитута, как классического элемента цивилистической доктрины, развивавшегося не только в римском праве, но и в средневековой схоластике. Доклад начинается с констатации чрезвычайной вариативности юридической терминологии в этой области, обязанной этим римской лингвистической основе, вторично использованной современными языками, постепенно отдаляющимися от общего корня. Первым этапом этого развития, подчеркивает Шейдл, был Гай (2. 14) с его разделением на iura praediorum urbanorum et rusticorum. Затем выражение iura praediorum отмечается как наиболее древнее обозначение предельных сервитутов, используемое в Дигестах Юстиниана минимум 4 раза: дважды Гаем (D. 1.8.1.1), один раз Цельсом (D. 50.16.86) и один раз Марцианом (D. 8.2.35). Цервидий Сцевола использовал выражение usu retinetur servitus (D. 8.6.20) как и его древний коллега Лабен (D. 8.1.19). Докладчик отметил и применение отдельных форм этих прав, таких как ius eundi (D. 8.3.1), itineris ad sepulchrum (D. 8.1.14.1), scilicet (D. 8.2.20.3), aquae ducendae vel hauriendae (D. 8.3.9).

Подход к юридической теории в современную эпоху зависит от теории познания в целом, связанной с расширением основ и их интерпретацией. Модернизм предполагает, что анализ начинается с обзора юснатурализма или юспозитивизма. Выступление Освальдо Сакки, проф. Второго Неаполитанского университета, на тему «Интерпретация римского юриста как источник создания права: проблемы современности и определенности прошлого» начинается с идеи о том, что эти две основы методологической определенности прошлого ныне разрушены. Так, современный пост-модернизм создает на первом месте значительную эпистемологическую вариативность и сущностную неопределенность в юридических трактовках. Докладчик, дав панорамный обзор Aufstieg und Niedergang основных направлений юридической мысли последних двух веков, сделал вывод, что стабильной концепцией, унаследованной от Юстиниана, является определение Флорентином (D. 1.1.3) свободы: это возможность каждого делать то, что ему хочется, за исключением того, что запрещено правом. То, что поразило О.Сакки, это устойчивость определенного ядра, основанного римским правом, выжившего во время политических и философских волнений – идеи о том, что право дает нам мост к решению кризиса, используя судебный процесс. Докладчик вспоминает сон Артемидора Эфесского, сравнивающего гражданский судебный процесс с войной. Мы можем добавить еще одну войну, удерживаемую в определенных рамках, дабы избежать настоящей войны, посредством бюрократизации и сохранения государственной власти. Итак, право создает некую формальную модель, которая именно в силу своего формализма неполна. Отсюда следует тезис о неполной истине и невозможной демократии, вновь порождающие кризис. Aequitas остается критерием для гражданского процесса: право никогда не должно отделять от справедливости, говорил Аквиллий Галл (Cic. Pro Caec. 27-78), так что правовая наука направлена на эту самую концепцию. Справедливость была единой для природы и права, для людей и богов (Cic. Part. Orat. 37.130). Таким образом, теория об истине связана с теорией о справедливости (Cic. De off. 1.5.15). Под тем же влиянием стоиков можно сделать вывод о том, что (Cic. Ad Her. 2.13.20): "ex aequo et bono ius constat, quo ad veritatem (et utilitatem) communem videtur..." Обычное право связано с естественным правом принципом honestum simplex, diviso in quattuor: prudentia, iustitia, fortitudo et temperantia, таким образом, юстиция является равной справедливости (Cic. ad Her. 3.2.3): "Iustitia est aequitas ius uni quique tribuens pro dignitate cuiusque".

Проблема истины доклада О.Сакки, как общего (объективного) принципа, руководящего правом, связана с другим значением того же слова, представленном в источниках как некий критерий, направляющий в толковании отдельных (субъективных) оснований. Последнее стало основным аргументом в докладе «Verus filius e verus pater: юридическая установка и натуралистическая трактовка практики» Карлы Маззи Дорри, проф. Неаполитанского университета им. Федерико II. Теория об истине (veritas) связана с проблемой юридической реальности и реальности жизни: того, что существует в реальности, того, что принимается за реальность (фикция) и того, что демонстрируется, как реальное (моделирование). Юридическая реальность часто ссылается на тот принцип истины, который обсуждался в предыдущих докладах, связанный с целью права, ка его causa finalis, со справедливостью: bonum et aequum. И наоборот, две последние формы реальности связаны с тем, что может принять принимающее решение лицо (например, юрист или судья) в качестве эффективного, существующего в реальности в соответствии с судебной процедурой или юридической теорией. Оба эти типа, объективный и субъективный, не сразу становятся понятными, но выявляются как результат познавательного теоретического или процессуального умозаключения. Докладчица опирается на этимологическое исследование слова veritas: оно связано с возможностью верить (также как в славянском слове viera) и выбирать, что происходит от индоевропейского "ver", связанного с германским "war", "Warheit", означающим некий знак, примету, то есть имеющим способность делать интерпретацию, вести расследование, сопоставляя, связывая вещи. Это содержание слова можно связать с греческим словом ἀλήθεια, производным от λαμβάνω, пренебрегая отрицательной частицей "α", так что речь идет об открытой (в результате расследования) вещи, а не забытой. К. Маззи Дорри Masi Doria рассматривает юридическую установку в D. 28.8.11 (Iav. 4 ex post. Lab.) и в D. 28.2.23 pr. (Pap. 12 quaest.) и природную установку в D. 37.4.8.7 (Ulp. 40 ad ed.). В первом отрывке демонстрируется спор между Требацием и Лабеном, где первый отрицает возможность для

вольноотпущенника быть истинным сыном, в то время как Лабееон подтверждает это, хотя Яволен допускает только некую фикцию сына (*de hoc filio locutum esse apparet*). Второй отрывок представляет юридическое положение, в котором Ульпиан настаивает на том, что юридическая презумпция не может затенить реальности. Этот текст корреспондирует и с последним, где Ульпиан разъясняет папиниановское утверждение, используя прилагательное *naturalis*, чтобы подчеркнуть верховенство правила природы.

Обсуждая различные аспекты естественного права, обычного права, влияния диалектики и риторики, прямо или косвенно затрагивается роль этики в правовых обсуждениях. Проф. Неаполитанского университета им. Федерико II Козимо Кашоне обращается к этой теме, демонстрируя силу влияния этических ценностей на юридическое решение в своем докладе «Практика, закон, юристы, законодатели. Один общий принцип от классической юриспруденции до Юстиниана». В основе доклада лежит практика, как источник правового регулирования после ее выражения в соответствующем юридическом ответе. Так, процесс начинался с правового вопроса, затем следовал ответ, и, наконец, абстрактное и обобщенное заключение для создания из конкретного решения некое правило. Этот процесс, пожалуй, близкий к созданию судьями закона, сущностно отличался принципом, по которому право зависит от решения не единичного казуса, но от решения большинства казусов (*Theophrastus: ...quae ἐπὶ τὸ πλεῖστον accidunt, non quae ἐκ παραλόγου; Τὸ γὰρ ἄπαξ ἢ δις ... παραβαίνουσιν οἱ νομοθέται*). К.Кашоне приводит различные труды классических авторов, рисуя перспективу правового мышления на текстах выбранных из комментариев к цивильному праву: D. 1.3.3 (*Pomp. 25 ad. Sab.*), D. 1.3.6 (*Paul. 17 ad Plaut.*), и из Дигест: D. 1.3.4 (*Cels. 5 dig.*), D. 1.3.5 (*Cels. 17 dig.*), D. 50.17.64; 28.2.23 pr. (*Iul. 29. dig.*). Все эти фрагменты связаны не с ответами юристов на конкретные казусы, но с более абстрактными работами, в которых обычно проглядывает методика систематизации с тенденцией обобщения современной им практики. Использование цитат из Феофраста показывает, что на теоретическом уровне была необходима аргументация, идущая от более абстрактной науки, чем юриспруденция, с описанием самых общих правил, действительных для всех людей, а не только для гражданского права: правил науки естественного права. Фрагмент D. 28.2.23 pr. показывает еще более тесную связь с этической доктриной, в котором Юлиан прямо утверждает: “...huiusmodi sententiam humanitate suggerente decursum est...”, отсюда можно вне всякого сомнения сделать заключение об огромной важности этической аргументации в юридической абстракции. В последнем фрагменте, взятом из Новелл Юстиниана, говорится о *παλαία λέγει σοφία* (следует читать древнюю мудрость), как инструменте, заботящемся об актуальной социальной ситуации, отмечая этику, как науку, частью которой является право. К.Кашоне завершает доклад сильной риторикой, обращенной к нашим дням, где этика не имеет такого сильного значения по причине нехватки общественного слоя аристократического сословия, которое сохраняет память о древних *mores* ради исправления современной практики.

Интересный обзор римской экономики, представленной деятельностью публиканов, занимавшихся сбором государственных долгов сделал Алексей В. Рудаков (аспирант, Российская академия наук, Москва) в докладе «*Pignoris capio* публиканов согласно муниципальному законодательству (I в. до н.э – II в. н.э.)», обсудив названный инструмент исполнительной власти, предоставленный публиканам. Докладчик ссылается на Гаю (*Gai. Inst. IV.28*) и муниципальные законы (*Lex Irnit. LXIII; Visp. I.1, 1.2; Lex Palm. III.3.38-45*). Правовое содержание их деятельности основывалась на договоре *locatio conductio* с отдельным муниципием. *Conductores* применяли против государственных должников (*qui aliqua lege vectigalia deberent*) право захвата залога (*pignoris capio*) как первое средство, а затем, если не могли собрать долга в определенный срок, продавали предмет залога посредством государственных откупов.

Камила Стлукалова (асп. университета Праги) в докладе «Влияние римского права на новый чешский гражданский кодекс» представляет этот кодекс, который вступит в силу с 1 января 2014 г. Эта новая кодификация связана с европейской традицией частного права, не внося существенных инновационных элементов. Целью этого законодательства является модификация различных фундаментальных институтов, используя примеры лучших европейских стандартов, развитых в рамках римской правовой традиции. Это можно подтвердить различными примерами: правило *honeste vivere* воспроизведено в § 6, ссылка на общие принципы права – в § 2. Помимо общих принципов можно привести и более конкретные институты, как например, принцип *superficio solo cedit*, захват брошенного имущества, владение и собственность на диких животных, сервитуты, а также эмпфитевсис.

Традиционно семинар «Римское право и современность» дает участникам возможность выступить и с темами, связанными с современным правом и правовой доктриной в рамках общей темы конкретной сессии. В ходе VIII сессии в этой области свои доклады представили двое коллег.

Проф. Политехнического университета (Болгария) Ралитса Димитрова, специалист по уголовному праву, представила доклад на тему «Современные взгляды на коррупцию: уголовная наука о коррупции в частном секторе». Доклад был посвящен праву ЕС о частноправовой коррупции, начиная с Преамбулы Решения 2003/568/GAI. Этот текст касается таких двух типов преступлений – в публичном и частном секторах, как угроза статусу права, вызывающая нарушение конкуренции, и препятствия правильному экономическому развитию. Далее докладчица затронула тему коррупции в частном секторе в соответствии с уголовной Конвенцией и сделала сравнение между законодательствами различных стран.

Научный сотрудник юридического факультета университета национальной и мировой экономики Мартин Димитров (София, Болгария) выступил на русском языке с докладом «Лизинг при общих условиях», в котором представил различные точки зрения на правовую природу, границы и общие условия оферты. Она включает в себя различные виды гражданско-правовых и коммерческих соглашений, к которым применяются такие границы и условия. Обращается внимание на базовые преимущества для юридических материй, которые подписываются на оферты в общих границах и условиях. Описаны также предположения о экономической практике, проиллюстрированные особыми случаями применения общих условий в договорах лизинга.

Двое коллег прислали в оргкомитет резюме своих докладов. Резюме доклада «Особые свойства сервитутных прав в римском праве» доцента юридического факультета университета национальной и мировой экономики (София, Болгария) Гергана Боянова поднимает проблемы сервитутов как *iura in re aliena*, разделенные на два вида – личные и вещные. Резюме доклада «Эдикт Галерия, Миланский эдикт и христианство в IV веке» проф. Пловдивского университета (Болгария) Малины Новкришки-Стояновой посвящено анализу двух императорских конституций, важнейших для признания христианства как легальной религии Римской империи IV века – Эдикта из Серики императора Галерия 311 г. н.э. и Миланского эдикта императора Константина Великого 313 г. н.э. Их латинский текст находится в труде Лактанция "De mortibus persecutorum" и это дает основание для некоторых размышлений по поводу их аутентичности и авторской интерпретации. Представлены их переводы с латинского и юридический анализ их природы и значения.